

УДК: 394.9(510)

Элосыцзу — осколок Русского мира в Китае (о положении русского этнического меньшинства в КНР)

Иван Валерьевич Ставров,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Отдела китайских исследований Центра азиатско-тихоокеан-
ских исследований Института истории, археологии и этно-
графии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: stavivan@mail.ru

В статье анализируется современное положение *элосыцзу* — русского национального меньшинства КНР, которое сформировалось в этой стране во второй половине XX в. Предпринимается попытка рассмотрения *элосыцзу* через призму национальной политики Китая: выявляются взаимосвязи этой политики с демографическими процессами у изучаемой национальности, особенности реализации стратегии районной национальной автономии и изменения традиционной культуры китайских русских.

Положение *элосыцзу* и официальное отношение к ним претерпевали существенные изменения на разных этапах существования КНР. Особенности национальной политики, как и в целом курса КПК, отразились на судьбе потомков наших соотечественников. Русские прошли путь от признания в качестве официального национального меньшинства и — через период «культурной революции» — до оформления своей национально-территориальной единицы. *Элосыцзу*, несмотря на значительные ассимиляционные процессы, за более чем полувековую историю полностью не растворились среди доминирующего народа.

Деструкция, длившаяся почти 20 лет (1958—1976 гг.), имела противоречивые результаты. С одной стороны, был нанесён урон развитию русской культуры и сохранению русского языка, с другой — дискриминация *элосыцзу* способствовала формированию у них отличной от ханьцев этничности. Во многом благодаря государственной национальной политике в последующий период удалось поддерживать русскую идентичность у китайских русских. За это время *элосыцзу* реализовали право на оформление национально-территориальной единицы — Эньхэ-Русской национальной волости, что стало некоторым импульсом для консервации там русских традиций. Однако появление данной волости не решило вопрос возрождения православия, к которому власти КНР относятся весьма настороженно, и проблеме развития русского языка. Основной тенденцией последних полутора десятков лет стали коммерциализация русской культуры, формирование особого туристического бренда, что, на взгляд автора, является немаловажным фактором сохранения традиционной культуры русских в Китае.

Ключевые слова: Русский мир, российская диаспора, русское национальное меньшинство, *элосыцзу*, КНР, национальная политика.

***Eluosizu* — a fragment of the Russian world in China (the position of the Russian national minority in PRC).**

Ivan Stavrov, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: stavivan@mail.ru.

The article analyses a current situation of the *Eluosizu* — Russian ethnic minority of China, which was formed in PRC in the second half of the twentieth century. *Eluosizu* is studied through the lens of China's ethnic minorities policy. The paper identifies the relationships of this policy with the demographic processes of this ethnic minority, studies special features of policy implementations of regional national autonomy and changes of the traditional culture of the Chinese Russians.

The situation of *Eluosizu* and official attitude towards them underwent significant changes during different periods of China's existence. The peculiarities of the national policy as well as the role of the Communist Party of China reflected on the life of the descendants of our compatriots. Russian people were firstly recognized as an official national minority, then went through the period of the Cultural Revolution and finally were allowed to establish their national territorial unit. Despite the significant assimilation, for more than half a century, *Eluosizu* didn't dissolve completely among the dominant nation.

The period of destruction (1958—1976) had discrepant results. On the one hand, a serious damage was done to the development of Russian culture and the preservation of the Russian language; on the other hand, discrimination of *Eluosizu* helped to develop their Russian ethnic identity. During next period, due to the state national policy, it was possible to maintain Russian identity among the Chinese Russians. *Eluosizu* were able to realize the right to arrange an ethnic territorial unit — the Enkhe-Russian ethnic district (恩和俄罗斯族民族乡, *Enhe-Eluosizu minzuxiang*) that became the impulse for the preservation of Russian culture here. However, the question of the revival of Orthodoxy wasn't solved because of the alerted attitude of the Chinese authorities as well as the problem of the development of the Russian language. The main tendencies of the last fifteen years have been commercialization of Russian culture, the formation of a special tourist brand that is considered to be an important factor for the preservation of Russian traditional culture in China.

Keywords: "Russian world", Russian Diaspora, Russian ethnic minority, *Eluosizu*, PRC, ethnic minority's policies.

Изучение русской эмиграции стало одним из актуальных направлений отечественной исторической науки на рубеже XX—XXI вв. В 1990-е и в начале 2000-х гг. вышло немало работ, посвящённых различным сторонам жизнедеятельности российской диаспоры в Китае. Абсолютное большинство наших соотечественников покинуло это государство с образованием КНР: кого-то репатриировали в СССР, кто-то уехал в третьи страны. Однако в КНР остались небольшие осколки Русского мира — *элосыцзу* («русские»), являющиеся одним из 56 официально признанных народов Китая.

Исследованию этой группы посвящена данная статья. Целью представленной работы является рассмотрение *элосыцзу* через призму национальной политики КНР. Ставятся задачи выявить взаимосвязь национальной политики с демографическими процессами у изучаемого народа, особенности реализации политики районной национальной автономии и изменения традиционной культуры китайских русских.

КТО ТАКИЕ КИТАЙСКИЕ РУССКИЕ?

Основные районы проживания русских в КНР — Синьцзян (в основном г. Тачэн, другое название — Чугучак) и Внутренняя Монголия (территория, административно подчинённая г. Аргунь). Исторически на северо-востоке Китая местом притяжения русских был Харбин, административный центр КВЖД. Однако в настоящее время в Харбине и пров. Хэйлуцзян русских проживает немного. Лишь на северо-востоке Внутренней Монголии, в районе Трёхречья, в 20—30-е гг. XX в. сформировался островок Русского мира. До 1949 г. большинство поселений данной территории являлись русскими, а китайцы встречались на ней сравнительно редко. После образования КНР подавляющее число русских из этого района было репатриировано, однако остались члены семей, состоявших в смешанном браке, и их дети. Поэтому современные *элосыцзу* — это главным образом потомки браков между русскими и китайцами.

Для обозначения русских в Китае сложилось несколько понятий. Употребляющееся в быту *эрмаоцзы* (二毛子) для обрусевших китайцев, потомков межнациональных браков¹, имеет негативный оттенок и происходит от такого общего наименования русских, как *лаомаоцзы* (老毛子 — «волосатый», т.е. иностранец). В обиходе и иногда в научной литературе используют сочетание *хуньсюэжэнь* (混血人) — «люди со смешанной кровью», т.е. метисы². В отличие от *эрмаоцзы* оно не имеет негативного оттенка [29, с. 3]. Для русских и их потомков, проживающих в Хулуьбуиуре, в XX в. использовался термин *дандижэнь* (当地人) — «местный житель, абориген». Он относился не только к русским, но и ко всему остальному населению территории — монголам, ороочонам, китайцам и др. Во второй половине XX в., после репатриации советских граждан, этим понятием обозначали потомков русских, живших в местных сёлах, однако с нормализацией национальной политики в 1980-е гг. оно вышло из употребления.

¹ Понятие *эрмаоцзы* используется для первого поколения потомков от смешанных браков. Для дальнейших поколений применяют следующие порядковые числительные: *саньмаоцзы*, *сымаоцзы*, *умаоцзы* (三毛子, 四毛子, 五毛子) и т.д.

² И.Ю. Гутин отмечал: в этнологической литературе КНР для классификации китайских русских употребляют термин *хуньсюэ миньцзу* (混血民族) — дословно «народ со смешанной кровью», или «народы смешанного происхождения» [3, с. 50]. Однако если этот термин и используется, то крайне редко, скорее он является расхожим понятием. В отечественной литературе его употребляют авторы, ссылающиеся на И.Ю. Гутина. В работах китайских исследователей такой термин встретить не удалось.

В настоящее время используются два понятия — *элосыцзу*³ (俄罗斯族) и *хуаэ хоуи* (华俄后裔) — «потомки китайцев и русских». Первый термин был введён в 1950 г. в качестве официального названия русских Китая как одного из 55 национальных меньшинств, а также самоназвания данной этнической группы⁴. Второй обозначает, соответственно, потомков китайцев и русских и принят в Хулуьбуиуре в качестве официального обозначения потомков от смешанных браков [29, с. 3—4].

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭЛОСЫЦЗУ

В советский период изучение российской диаспоры, в т.ч. и потомков русских в Китае, не являлось важным научным направлением в первую очередь по идеологическим причинам. Редким исключением стала статья А.М. Кайгородова «Русские в Трёхречье» (1970 г.) [4], в которой автор на основе личных воспоминаний рассказал о жизни и быте русских семей, проживающих в Барге.

В постсоветский период, с падением идеологических рамок, возрос интерес к истории российской эмиграции. Появилось множество статей и монографий о русских в Китае (главным образом в Маньчжурии). Однако из фокуса исследователей *элосыцзу* выпали, учёные стали уделять им внимание лишь в последнее десятилетие. Одной из первых работ, в некоторой степени затрагивавших историю русских в период КНР, является книга Ю.В. Аргудяевой «Русские старообрядцы в Маньчжурии» (2008 г.) [1]. В монографии собраны биографические данные десятков старообрядцев, проживавших в Северо-Восточном Китае с начала XX в. и до 1950-х гг. Однако собственно *элосыцзу* не стали предметом исследования автора.

Диссертация и серия статей И.Ю. Гутина [2; 3] посвящены демографической истории, социально-культурному развитию русской диаспоры в КНР⁵. На основе полевых материалов подготовлены работы В.Л. Кляуса, О.И. Курто, А.П. Тарасова [6; 7; 15]. В.Л. Кляус, недавно опубликовавший монографию «„Русское Трёхречье“ Маньчжурии» (2015 г.) [6], главным образом изучал фольклор и традиционную культуру проживающей на данной территории этнографической общности. О.И. Курто рассматривает *элосыцзу* как часть Русского мира Китая, поэтому о потомках русских в её книге говорится лишь в небольшой главе. А.П. Тарасов сделал акцент на сохранении русскими своей идентичности вопреки серьёзному демографическому

³ Следует отметить, что для обозначения русских — граждан России — используется понятие *элосыжэнь* (俄罗斯人).

⁴ Проживающие в Синьцзяне натурализовавшиеся русские — *гуйхуацзу* (归化族) — «натурализованная нация» — также были отнесены к *элосыцзу*.

⁵ И.Ю. Гутин относит *элосыцзу* к русской диаспоре в Китае, однако ни в диссертационном исследовании «История формирования и социокультурного развития русской диаспоры в КНР (1962—2009 гг.)», ни в иных работах он не приводит аргументов на этот счёт. На наш взгляд, *элосыцзу* нельзя причислять к диаспоре ввиду отсутствия у них соответствующих признаков [12, с. 10—41; 16, с. 446].

и культурному давлению ханьцев. Учёные из Благовещенска опубликовали совместный труд «Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории» [19], в одной из глав которого анализируются особенности функционирования русского языка в пров. Хэйлунцзян.

В КНР также появляются исследования, посвящённые *элосыцзу*. Одной из первых стала книга «Краткая история русских» (*Элосыцзу цзяньши*, 1986 г.) [2, с. 4]. В 1994 г. вышел небольшой очерк Дэн Бо «Русские» (переиздан в 2004 г.), где приводится краткая история русских в Китае и их традиционной культуры [21]. Наиболее значимой стала фундаментальная работа коллектива авторов из Юньнаньского университета, написанная по итогам обследования мест проживания русских в г. Тачэне (Синьцзян-Уйгурский автономный район, далее — СУАР) и дер. Шивэй (Автономный район Внутренняя Монголия, далее — АРВМ). В ней не только приводятся общие данные об истории русских, но и даётся детальный срез состояния общества, хозяйства, культуры *элосыцзу* в начале XX в. Интерес вызывает докторская диссертация Ши Чунли, посвящённая изучению этнической идентичности русских КНР на примере Шивэй-Русской национальной волости [29]. Статьи китайских исследователей Лян Чжэ, Чжу Юнчжэн и Ян Вэйлин были изданы на русском языке и известны отечественному читателю [9; 18].

На Западе также затрагивали историю русских в Трёхречье. Например, Сёрен Урбански посвятил очерк истории русских казаков на этой территории [17], а в других своих статьях обращался к частным аспектам отношений по обе стороны российско-китайской границы. Отдельные вопросы истории русских Трёхречья освещал и И.О. Пешков [11]. Однако все указанные работы не касались развития *элосыцзу* в КНР.

В целом исследования последних лет позволяют проследить эволюцию русского меньшинства в Китае, сделать выводы о характере этнокультурных процессов, положении хозяйственной сферы. Однако эти работы, как правило, посвящены изучению либо отдельной группы русских (преимущественно тех, кто живёт в Эньхэ), либо отдельных социальных процессов.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ. СКОЛЬКО ЭЛОСЫЦЗУ ПРОЖИВАЕТ В КНР?

В 2010 г. численность русских в КНР составляла 15 393 чел. Они расселены во многих провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения, однако наибольшая их часть проживает в пос. Эргун, который подчинён г. Тачэну (СУАР) и г. Аргунь (АРВМ). Данные, приведённые в табл. 1, свидетельствуют о сокращении численности *элосыцзу* с 1953 по 2010 гг. на 7263 чел. Это явление хорошо изучено в литературе, объясняющей его с одной стороны репатриацией части русских в СССР, а с другой — особенностями национальной политики КПК, пришедшейся на 1958—1976 гг. (т.н. период деструкции, когда значительная часть русских и, в первую очередь, потомков от смешанных браков вынуждены были скрывать свою этническую принадлежность).

Таблица 1

Динамика численности русского населения КНР по данным переписей (1953—2010 гг.), чел.⁶

Регион \ Год	1953	1964	1982	1990	2000	2010
Всего	22 656	1 326	2 917	13 500	15 609	15 393
Пекин	20	24	18	101	216	343
Тяньцзинь	1	—	4	36	60	119
Хэбэй	—	3	12	70	102	103
АРВМ	24	48	53	4 388	5 020	4 673
СУАР	22 166	1 191	2 663	8 065	8 935	8 489
Хэйлунцзян	401	9	79	322	265	312
Цзилинь	3	7	8	44	64	48
Ляонин	26	5	20	122	150	185
Шаньдун	1	9	6	29	68	128
Гуандун	—	—	1	12	50	125
Цзянсу	3	1	6	58	67	109
Шанхай	—	6	5	22	76	209

Составлено по: [23, 1990, табл. 3—1; 23, 2000, табл. 1—6; 24, т. 1, с. 50; 28, с. 912—930].

После окончания «культурной революции» (1976 г.) численность *элосыцзу* была зарегистрирована на уровне 2917 чел. (падение более чем в 7,7 раза по сравнению с 1953 г.), однако к переписи 1990 г. русское население КНР начало восстанавливаться и достигло 13 500 чел. Следует отметить: ведущим фактором здесь явились изменения в национальной, а также демографической политике государства. Незадолго до переписи 1982 г. был издан Циркуляр по вопросу о принципах восстановления или исправления национальной принадлежности (1981 г.). В результате уже 3-я перепись населения КНР зафиксировала существенный рост численности неханьцев, который не объяснялся естественными причинами. Русское население увеличилось более чем в 2 раза по сравнению со 2-й переписью 1964 г. (тогда как материалы статистического учёта за 1978 г. регистрировали лишь 600 *элосыцзу*) [10, ч. 2, с. 56].

Однако наибольший рост числа китайских русских был отмечен 4-й переписью (1990 г.), что дало некоторым исследователям основание предположить: его вызвало потепление советско-китайских отношений [7, с. 86]. Полностью не исключая влияния данного фактора, всё же следует отметить: аналогичные явления были характерны и для многих других национальностей КНР (например, маньчжуров), которые не имели собственной государственности за пределами Китая. Поэтому ответ следует искать в особенностях национальной и демографической политики страны. С середины 1980-х гг.

⁶ В таблице указаны регионы с численностью русского населения в 2010 г. более 100 чел. (за исключением северо-восточной пров. Цзилинь).

начался активный процесс возрождения института районной национальной автономии в КНР, направленный на сохранение культуры, языка, некоторых традиционных укладов хозяйственной жизни неханьских народов. В районах национальной автономии неханьцы пользовались рядом льгот по трудоустройству, материальному обеспечению. В сфере демографической политики также проходили «тектонические» сдвиги: повсеместно начал реализовываться курс «одна семья — один ребёнок». А для национальных меньшинств были приняты послабления, разрешавшие рождение второго, а иногда и третьего ребёнка [14]. Эти факторы, по мнению автора статьи, обусловили изменение национальной принадлежности у потомков смешанных браков.

К настоящему времени, как показывают данные статистики, численность *элосыцзу* вновь начала падать, что на сей раз вызвано естественными причинами. Русское население сократилось на 216 чел., или на 1,34%. Материалы годового выборочного обследования, проводимого в период переписей 2000 и 2010 гг. (по состоянию с 1.11.1999/2009 по 31.10.2000/2010), показали, что значение среднего числа рождений на одну женщину составило 0,94, а коэффициент замещения — 2,1 [23, 2000, табл. 2—5; 24, т. 2, с. 757]. Это подтверждает наметившуюся тенденцию к замедлению естественного роста населения и переходу к режиму суженного воспроизводства, характерного для большинства этнических групп КНР. Материалы переписей коррелируют с данными обследования мест компактного проживания *элосыцзу*: в пос. Эргун (СУАР) и дер. Лицзян (АРВМ) средний размер семьи в начале 2000-х гг. составлял 3,43 и 3,42 чел., что опять-таки свидетельствует о рождаемости ниже порога замещения [30, с. 126, 406].

Сделанные выводы подтверждают и данные о возрастной структуре *элосыцзу* (табл. 2). За неполные 30 лет доля молодого населения (до 14 лет) сократилась почти в 2 раза, что в перспективе приведёт к дальнейшему уменьшению численности китайских русских.

Таблица 2

Возрастная структура *элосыцзу* КНР (1982—2010 гг.), в %

Возраст \ Год	0—14	15—59	60—64	Свыше 65
1982	30,57	57,93	1,95	9,55
1990	31,26	64,11	4,63	2,50
2000	25,69	66,15	8,16	4,88
2010	15,47	72,81	3,59	8,13

Составлено по: [22, с. 232—235; 23, 1990, табл. 3—5; 23, 2000, табл. 2—1; 24, т. 1, с. 244—246].

Ещё одно интересное наблюдение, которое позволяет сделать сравнение материалов переписей, — это некоторое возрастание миграционных процессов среди *элосыцзу*. С 2000 по 2010 гг. число китайских русских Шанхая и пров. Гуандун выросло более чем в 2 раза (с 76 до 206 чел. и с 50 до 125 чел. соответственно), почти вдвое больше их стало в г. Тяньцзине

(с 60 до 119 чел.), пров. Шаньдун (с 68 до 128 чел.) и Цзянсу (с 67 до 109 чел.). Заметно увеличилось количество русских в Пекине (на 127 чел., с 216 до 343 чел.). Переселение в крупные экономические центры свидетельствует, что миграция вызвана экономическими причинами и в перспективе позволит переселенцам повысить уровень благосостояния⁷.

Таким образом, в демографической истории *элосыцзу* чётко прослеживаются два этапа. В 1950—1970-е гг. на численность этой национальности большое воздействие оказывал политический курс страны, что обусловило репатриацию наших соотечественников в начале периода и сокрытие ими своего этнического происхождения во второй его половине. Разворот в национальной политике КНР после смерти Мао Цзэдуна знаменовал второй этап: с конца 1970-х гг. по настоящее время. Численность китайских русских стабилизировалась, и у её колебаний появились естественные причины. Экономические факторы в немалой степени обусловили как рост мобильности *элосыцзу*, так и увеличение их миграционного потенциала.

ПОЛИТИКА РАЙОННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ И ЭЛОСЫЦЗУ

С образованием КНР в стране учредили институт районной национальной автономии, который был призван стать одним из важнейших инструментов национальной политики Китая. Неханьские народы в местах своего компактного проживания могли образовывать национальный район соответствующей ступени (провинциальной, окружной или уездной). Однако в действительности не все этносы Китая могли создать такие районы — ввиду малочисленности или чрезмерной дисперсности проживания. В связи с этим правительство страны решило создать систему национальных волостей, которые формально не входили в институт районной национальной автономии, но фактически стали его нижней ступенью.

Деятельность национальных волостей до 1983 г. регулировалась «Некоторыми указаниями Госсовета относительно образования национальных волостей» (29.12.1955), устанавливавшими минимальную численность «титульной» национальности в волости в 10% от общего количества населения. В настоящее время (с 29.12.1983) порог для образования национальных волостей повышен до 30% «титульного» населения, однако формулировка документа предполагает возможность обхода данной нормы⁸. «Положение

⁷ Внешний фактор — натурализацию россиян — можно практически исключить. Последняя перепись зарегистрировала лишь 1448 иностранцев, принявших китайское гражданство [24, т. 1, с. 54]. Даже если предположить, что получившие его россияне включены в *элосыцзу*, то общая численность «натурализованных» иностранцев свидетельствует о незаинтересованности Пекина предоставлять гражданство КНР. Однако дети от смешанных браков россиян и китайцев, вероятно, могут быть записаны в качестве *элосыцзу*, но подтверждений этому или опровержений данного тезиса автору статьи найти не удалось.

⁸ В тексте указывается, что такие волости создаются, если доля неханьцев «обычно составляет около 30%» от населения административно-территориальной единицы (пункт 2) [20].

о работе органов власти в национальных волостях» (15.09.1993) окончательно расставило все точки над «i» в этом вопросе. Документ установил порог для образования национальных волостей в 30%, однако предусмотрел, сообразуясь с конкретными условиями той или иной территории, возможность создания таких административных единиц и при меньшей доле неханьцев (ст. 2). Таким образом, решение о создании национальных волостей стали принимать местные правительства, которые в соответствии с реалиями могли создавать или не создавать особые национально-территориальные единицы.

Ввиду малочисленности и дисперсности проживания русские долгое время не могли создать свою национальную единицу. В 1950-е гг., в соответствии с двусторонним договором, начался процесс их репатриации в СССР. В результате приграничные области Китая покинула значительная часть наших соотечественников. Так, к 1959 г. только из Аргуни выехало 8171 чел. [15, с. 192].

К концу 1950-х гг. произошли существенные изменения во внутренней политике КНР. Начался «большой скачок» (1958 г.), а затем и «культурная революция» (1966 г.). В целом это время, в историографии получившее название периода деструкции, характеризуется деградацией национальной политики. Национальные кадры, интеллигенция подвергаются репрессиям. В отношении русских и их потомков нередко выдвинуты обвинения в шпионаже в пользу СССР [15, с. 193]. Многие из *элосьицу* стали скрывать свою этническую принадлежность. Запрещались не только национальные праздники, но и традиционное для русской культуры (особенно сельской) пение песен по семейным торжествам и просто во время отдыха. В.Л. Кляус приводит интересные данные о том, как наши соотечественники пели в подвалах домов, чтобы их не могли услышать соседи [6, с. 32]. В связи со всем перечисленным создание в 1960—1970-е гг. национально-территориальных образований являлось фактически невозможным.

Нормализация национальной политики, последовавшая по окончании «культурной революции», позволила поднять вопрос о предоставлении статуса «национальной» одной из волостей, где компактно проживали русские и их потомки. В апреле 1994 г. правительство Внутренней Монголии образовало русскую национальную волость Эньхэ. Руководителем её стал потомок русских и китайцев во втором поколении Цюй Дэсинь [29, с. 24]. В 2001 г. волость была укрупнена за счёт пос. Шивэй и получила одноимённое с последним название. В резолюции региональных властей отмечалось: в Шивэе проживает 1075 *элосьицу*, 33,8% от всего населения посёлка, соответственно, это является основанием для образования национальной волости [30, с. 300]. Первым председателем народного правительства стал Лю Бинчэнь, метис в третьем поколении [29, с. 24]. Однако в 2011 г. административный центр вновь перенесли в дер. Эньхэ⁹ [26].

⁹ Тарасов [15, с. 196] пишет: разделение было вызвано разногласиями с местным монгольским населением, и указывает дату разделения — декабрь 2006 г., что не подтверждается источниками.

О главных социально-экономических параметрах развития волости можно получить представление из табл. 3. Основой экономики территории является сельское хозяйство, валовая стоимость которого в 8 раз превышает промышленное производство. Среднегодовые чистые доходы местного населения несколько ниже таковых по стране (5919 юаней), что объясняется удалённостью территории от экономических центров как КНР в целом, так и Внутренней Монголии и Хэйлунцзяна в частности. Тем не менее волость располагает двумя медицинскими учреждениями, двумя средними школами, укомплектованными штатом специалистов.

Таблица 3

**Основные социально-экономические показатели
Шивэй-Русской национальной волости в 2010 г.**

Общая численность населения, чел.	Численность национальных меньшинств, чел./%	Валовая стоимость продукции предприятий, млн юаней	Валовая стоимость продукции сельского хозяйства, млн юаней	Объём произведённого зерна, т	Объём произведённого мяса, т
4200	1520 / 36,19	10,0	80,0	27 000	700
Среднегодовые чистые доходы населения, юаней	Число средних школ, ед.	Число учащихся, чел.	Число учителей, чел.	Число больниц и здравпунктов	Число врачей, чел.
5200	2	300	52	2	24

Составлено по: [25, с. 554—555].

В соответствии с законодательством, *элосыцзу* имеют представительство в центральных органах власти. Ст. 17 Закона КНР «О выборах во Всекитайское собрание народных представителей и в местные собрания народных представителей различных ступеней» предписывает: неханьские национальности с крайне малой численностью населения должны быть представлены в ВСНП хотя бы одним депутатом. Поэтому с 1965 г. в состав ВСНП всегда входил один представитель китайских русских. Первым был Н.В. Зименко (1965—1975 гг.), затем — Н. Карпова (1975—1983 гг.), Вера (*Вэйла*, 1983—1988 гг.), Н. Шевелёва и Г.И. Карпова (1993—1998 гг.), Л. Ващенко (1998—2002 гг.), Р.А. Александрова (2003—2012 гг.) [3, с. 50—51]. В ВСНП действующего 12-го созыва *элосыцзу* представляет Ли На (с 2013 г.) [27]. Перечисленные депутаты избирались от Синьцзяна, от Внутренней Монголии и от других регионов представительства русских не зафиксировано. Помимо парламента КНР, депутаты-*элосыцзу* представлены в ВК НПКСК и региональных собраниях народных представителей [3, с. 53—54].

Во второй половине XX — начале XXI в. *элосыцзу* в значительной мере смогли реализовать своё право на автономию в оговорённых в китайском

законодательстве рамках. У них имеется формальное представительство в органах законодательной власти, прежде всего в ВСНП и региональных собраниях народных представителей. Китайским русским удалось образовать собственную национальную волость, в которой у них как у «титულიной» национальности появилась возможность на реализацию своих культурных, а также некоторых социально-экономических прав (обычно в местах компактного проживания неханьцы имеют некоторые преференции по трудоустройству и социальному обеспечению).

ЭЛОСЫЦЗУ И СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Охрана культуры этнических меньшинств — одно из направлений национальной политики Китая. Законодательство страны (например, ст. 4 Конституции КНР 1982 г.) защищает право неханьских народов на сохранение и развитие традиционной культуры, религии, верований и языка. Однако малочисленным этносам очень трудно противостоять силе доминирующей (ханьской) культуры, ввиду чего ассимиляционные процессы затрагивают их весьма значительно. Поэтому, говоря об *элосыцзу*, следует остановиться на степени сохранности русского языка, а также отдельных составляющих материальной и духовной культуры, быта, поскольку они свидетельствуют о масштабе сохранения русской национальной идентичности.

Важнейшим элементом поддержания этнической идентичности является язык, в данном случае русский. Совершенно очевидно, что для первого поколения *элосыцзу*, проживающих в Китае, он являлся родным, материнским. Однако впоследствии, с прекращением контактов между соотечественниками по обе стороны границы, степень владения родным языком снижалась. Трудно говорить о степени сохранности русского языка в 1960-е — 1990-е гг., т.к. в этот период ни китайскими, ни зарубежными учёными соответствующие исследования не проводились. Лишь в 2000-е гг. появились работы, затрагивающие данную проблему.

В трудах О.И. Курто, В.Л. Кляуса, лично посетивших Трёхречье, содержатся сообщения об *элосыцзу* и *хуаэ хоуи*, владеющих русским языком. Однако авторам, по вполне объяснимым причинам, не удалось собрать точных количественных данных о степени владения русским. Эту работу осуществили современные китайские учёные. Так, при обследовании пос. Эргун в Синьцзяне в 2003 г. из 118 опрошенных ответили, что владеют русским языком, 17 чел. (14,4%), «немного владеют» — 7 чел. (5,9%), «немного используют в повседневной жизни» — 8 чел. (6,7%), «не владеют» — 86 чел. (72,8%) [30, с. 152]. В то же время в дер. Линьцзян Шивэй-Русской национальной волости АРВМ из 69 чел. 10 чел. (14,5%) — «владеют», 5 чел. (7%) — «немного владеют», 5 чел. (7%) — «немного используют в повседневной жизни», 49 чел. (71%) — «не владеют» русским языком [30, с. 437].

В январе 2007 г. в дер. Линьцзян вновь провели аналогичное исследование, однако оно было направлено уже на выявление степени понимания «родного» языка. Число опрошенных стало чуть больше (70 чел.):

«понимаю и могу говорить» — 2 чел. (2,86%), «понимаю и немного говорю» — 16 чел. (22,86%), «немного понимаю, но в основном не говорю» — 26 чел. (37,14%), «понимаю простые слова» — 16 чел. (22,86%), наконец, «полностью не владею» — 10 чел. (14,29%) [29, с. 52].

На основе данных опросов можно предположить, что степень владения русским языком у *элосыцзу* весьма скромна. Сфера применения его в быту из поколения в поколение сокращается, что согласуется с примерами других малочисленных этнических групп КНР. Определённую роль здесь сыграла «культурная революция», когда старшее поколение русских намеренно не обучало своих детей родному языку во избежание репрессий и иных бед. Конечно, это не означает конца русского языка в Китае, однако тенденция вполне очевидна.

Сохранению языка могло бы способствовать изучение его в средней школе. В местах компактного проживания *элосыцзу* действует несколько средних школ всех ступеней, и в целом уровень образования русских сопоставим с другими национальностями [30, с. 207—215, 458—469]. Однако преподавание русского языка организовано только в г. Инин (г. Кульджа, СУАР), где в 2015 г. из 165 чел. в школе обучалось лишь двое русских [13]! Впрочем, искать злой умысел здесь, скорее всего, не стоит. В настоящее время в периферийном Шивэе, ввиду трудности поиска соответствующих кадров, организовать преподавание непросто (большинство местных *элосыцзу*, как отмечалось, практически не владеют русским языком и не имеют соответствующего образования), да и сфера применения родного языка крайне ограничена.

В исследовании Ши Чуньли приводятся данные других опросов среди *элосыцзу* дер. Линьцзян, которые свидетельствуют о степени сохранности традиционной культуры и приверженности корням. Например, среди 70 участников опроса о степени знания истории России 40 чел. не известно ничего (либо почти ничего), 30 чел. знакомы с историей нашей страны (из них хорошо знакомы только шестеро) [29, с. 52]. Ещё больший интерес представляют брачные предпочтения опрошенных: из 30 неженатых человек 22 хотели бы вступить в брак с ханьцами, 4 — с *элосыцзу*, 4 — с «другими людьми». На вопрос «С кем по национальности вы бы хотели, чтобы ваши дети вступили в брак?» (всего 68 опрошенных) 26 чел. ответило «с ханьцами», 30 чел. — «затрудняюсь ответить», 2 чел. — с русскими (*элосыжэнь*), 8 чел. — с *элосыцзу*, 2 чел. — с «другими людьми» [29, с. 56]. Такие брачные предпочтения, как представляется, свидетельствуют о размывании русской идентичности у подавляющего числа *элосыцзу*¹⁰.

С общими тенденциями развития культуры согласуется и распространение православия среди *элосыцзу*. Ко времени образования КНР на территории Трёхречья, как и в ряде других мест Китая, действовали православные приходы. Однако репатриации, «большой скачок» и «культурная революция» привели к закрытию храмов, а нередко и к их разрушению.

¹⁰ Эти данные ещё раз подтверждают тезис о неправомерности использования термина «диаспора» при изучении китайских русских.

Лишь в 1990 г. было получено разрешение на строительство церкви в Аргуни, которое началось в 1992 г. и завершилось в 2000 г. [30, с. 417]. Храм в честь святителя Иннокентия Иркутского лишь в 2009 г. освятил приехавший из Шанхая настоятель Михаил Ван Цюаньшэн. Но фактически храм до сих пор не действует из-за отсутствия священника [8, с. 34—35; 9, с. 144].

Наблюдения учёных из РФ и КНР показывают, что православие довольно слабо укоренено среди *элосьицзу*, их познания крайне незначительны и эклектичны. Часто православие совмещается с китайскими верованиями [7, с. 89—117; 8, с. 58—69; 9]. Лян Чжэ, обобщая исследования китайских коллег, выделила несколько характерных черт православия в Трёхречье: отсутствие священнослужителей и, соответственно, поддерживаемой религиозной обрядности; главенство «православия устной традиции», т.к. канонические книги не переведены на китайский язык и недоступны для большинства верующих; формализация веры и непонимание содержательной стороны обрядности; секуляризация православного вероисповедания, исчезновение мистического содержания христианских праздников; утилитаризм, который больше свойственен китайскому религиозному сознанию; проникновение китайской обрядовой традиции в православную практику *элосьицзу* [9, с. 144—147].

Поддержанию русских традиций способствует празднование Рождества Христова и Пасхи. В Тачэне они были разрешены ещё в 1983 г. как реакция на изменившуюся национальную политику КПК [30, с. 164]. В Трёхречье эти праздники тоже разрешены, особенно популярна Пасха: местные власти организуют народные гуляния, накрывают столы с угощениями. Люди по обычаю собираются всей семьёй за одним столом, красят яйца, а перед Пасхой некоторые соблюдают пост [7, с. 98]. Однако православные праздники, как и всё русское наследие, всё больше превращаются в туристический бренд. В национальной волости появились гостиницы в русском стиле, многие надписи сделаны на трёх языках — китайском, монгольском и русском¹¹. Несмотря на некоторое обоснованное неодобрение со стороны исследователей, Эньхэ идёт в русле общекитайской тенденции по коммерциализации культуры, что способствует как её сохранению (часто консервации), хотя и в выхолощенном виде, так и повышению доходов местного бюджета и населения.

Исследователи отмечают: сохранению русской этнической идентичности способствовала «культурная революция», в ходе которой *элосьицзу* подвергались репрессиям [подробнее см.: 15, с. 193—195 и сл.]. В определённой степени метисному населению была навязана отличная от доминирующего этноса идентичность. Безусловно, через 40 лет после окончания «десятилетия бедствий» (так в КНР нередко именуют «культурную революцию») негативные аспекты его воздействия стёрлись, выросло два новых

¹¹ Закон КНР требует, чтобы в районах национальной автономии официальное делопроизводство и т.п. велось на двух языках, в АРВМ это китайский и монгольский. Поскольку власти АРВМ придали русскому статус официального языка в национальной волости, надписи на официальных учреждениях и туристических объектах дублируются ещё и на нём.

поколения. Поэтому всё большую роль в сохранении русской этничности играет политика государства, которое во многом конструирует этнические общности: посредством образования автономных административных единиц, охраны культурного наследия, а также некоторого «навязывания» этнической принадлежности¹², «конструирования категорий» с помощью переписей населения [подробнее см.: 16, с. 175—229].

Говоря о сохранении *элосыцзу* русской культуры в современном Китае, можно сделать очевидный вывод о существенной ассимиляции рассматриваемой общности. Во многом на этот процесс повлиял «период деструкции», отчасти — настороженное отношение китайских властей к деятельности православной церкви, но преимущественно ассимиляция сама по себе являлась неизбежной. Русских и их потомков слишком мало, чтобы длительно противостоять китайской культуре, особенно если сравнивать с почти полуторамиллиардным населением страны¹³. В КНР же отношение к ассимиляции вполне положительное: она рассматривается как процесс консолидации «китайской нации» (*чжунхуа миньцзу*) [5, с. 205]. Тем не менее *элосыцзу* сохраняют свою принадлежность к русским, что в значительной степени связано с особенностями национальной политики в КНР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Положение китайских русских претерпело значительные изменения в разные периоды существования КНР. На их судьбу оказала большое воздействие этнонациональная политика китайского государства. В 1950-е гг. русские (и в значительной мере метисы — потомки китайцев и россиян) получили признание в качестве одной из национальностей Китая — *элосыцзу*. Вместе с тем они тогда ещё не сформировали собственного национально-территориального образования, а вскоре обозначившийся поворот в национальной политике страны сделал это невозможным. Лишь после «периода деструкции» *элосыцзу*, при поддержке властей Внутренней Монголии, смогли организовать собственную национальную волость в Эньхэ. Вероятно (имеющиеся источники позволяют автору статьи выдвинуть такое предположение, но не подтвердить его), на решение повлияло желание региональных властей привлечь туристов на эту окраинную территорию.

Немалое воздействие политические факторы оказывали на демографические процессы у *элосыцзу*. В первую очередь они сказывались не столько на демографическом поведении исследуемого этнического меньшинства, сколько на системе регистрации и самоопределении *элосыцзу*, что нашло отражение в материалах переписей населения КНР. После завершения «периода деструкции» и улучшения межнациональных отношений на демографические процессы стали в большей степени влиять естественные

¹² В социально-культурной антропологии такое явление получило название предписанной этнической идентичности [16, с. 111, 121].

¹³ Неханьские национальности в Китае насчитывают более 113 млн чел., что составляет 8,49% населения страны (по данным всекитайской переписи населения 2010 г.).

факторы. Численность *элосыцзу* к настоящему времени стабилизировалась, и их демографическое поведение в значительной степени коррелирует с аналогичными процессами у других национальностей КНР, включая ханьцев. По мнению автора, регистрируемая на протяжении трёх десятилетий устойчивость демографических процессов у китайских русских также свидетельствует об улучшении национальной политики в стране.

«Период деструкции», длившийся почти 20 лет (1958—1976 гг.), имел противоречивые результаты. С одной стороны, был нанесён урон развитию русской культуры и сохранению русского языка, с другой — дискриминация *элосыцзу* способствовала формированию у них отличной от ханьцев этничности. В последующий период, во многом благодаря государственной национальной политике, удалось поддержать русскую идентичность у китайских русских. На рубеже XX—XXI вв. в Энхэ-Русской национальной волости стали отмечаться некоторые русские праздники, в первую очередь Пасха, был возведён православный храм, но во многом настроенное отношение властей КНР к православию не позволяет привлечь священника для проведения регулярных богослужений. Основной тенденцией последних полутора десятков лет стали коммерциализация русской культуры, формирование особого туристического бренда, что, на взгляд автора статьи, является немаловажным фактором сохранения традиционной культуры русских в Китае. Поэтому, несмотря на далеко зашедшие ассимиляционные процессы, можно утверждать: *элосыцзу* продолжают свой путь в КНР.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток: ДВО РАН, 2008. 400 с.
2. Гутин И.Ю. История формирования и социокультурного развития русской диаспоры в КНР (1962—2009 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 24 с.
3. Гутин И.Ю. Русские в КНР // Азия и Африка сегодня. М., 2011. № 10. С. 50—56.
4. Кайгородов А.М. Русские в Трёхречье (по личным воспоминаниям) // Советская этнография. М., 1970. № 2. С. 140—149.
5. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура, 1995—1996. М.: Восточная литература, 1997. 493 с.
6. Кляус В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 384 с.
7. Курто О.В. Русский мир в Китае: исторический и культурный опыт взаимодействия русских и китайцев. М.: Наука — Восточная литература, 2013. 375 с.
8. Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России. М.: Международные отношения, 2015. 792 с.
9. Лян Чжэ. Православие «китайских русских» в Трёхречье (КНР): некоторые итоги исследований китайских этнологов // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 6. С. 143—148.
10. Национальный вопрос в КНР (1949—1994 гг.): в 2 ч. / А.А. Москалёв, Д.А. Жоголев, Е.В. Пузицкий, Т.В. Лазарева. Ч. 1—2. М.: ИДВ РАН, 1996. 395 с. (Информ. бюл. ИДВ РАН, 1996, № 1—2).

11. Пешков И.О. Граница на замке постсоветской памяти. Мифологизация фронтальных сообществ на примере русских Трёхречья // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX—XX и XX—XXI вв. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 601—616.
12. Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. М.: ИС РАН, 2003. 340 с.
13. «РГ» увидела последнюю русскую школу в Китае // RG.RU: интернет-портал «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2015/11/22/shkola.html> (дата обращения: 10.05.2016).
14. Ставров И.В. Тенденции демографического развития неханьских национальностей Северо-Восточного Китая (начало XXI в.) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 4. С. 146—151.
15. Тарасов А.П. Русская национальная волость Эньхэ в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в приграничном Китае // Общество и государство в Китае. Т. XLIV. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2014. С. 187—208.
16. Тишков В.А. Реквием по этносу. М.: Наука, 2003. 544 с.
17. Урбански С. Русские казаки в Трёхречье // Восточная коллекция. 2014. № 3. С. 120—133.
18. Чжу Юнчжэн, Ян Вэйлин. Русские в провинции Цзилинь / пер. с кит. Н. Василенко // Россия и АТР. 1995. № 2. С. 62—65.
19. Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории (на материале российского Приамурья и провинции Хэйлуцзян, Китай) / А.В. Блохинская, С.В. Гордеева, Е.В. Касимова, Е.А. Оглезнева, Цзян Ин. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014. 156 с.
20. Гоюань гуаньюй цзяньли миньцзусян вэньти дэ тунчжи = Уведомление Госсовета об образовании национальных волостей // CPC.PEOPLE.COM.CN: информационный портал. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64184/64186/66699/4495325.html> (дата обращения: 10.05.2016).
21. Дэн Бо. Элосыцзу = Русские. Пекин: Миньцзу чубаньше, 2004. 113 с.
22. Чжунго 1982 нянь жэнькоу пуча цзыляо = Материалы всекитайской переписи населения 1982 г. Пекин: Чжунго тунцзи чубаньшэ, 1985. 674 с.
23. Чжунго 1990, 2000 нянь жэнькоу пуча цзыляо = Материалы всекитайской переписи населения 1990 г., 2000 г. [Электронный ресурс] Пекин: Чжунго тунцзи чубаньшэ, 1992, 2002. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.
24. Чжунго 2010 нянь жэнькоу пуча цзыляо = Материалы всекитайской переписи населения 2010 г. Т. 1—3. Пекин: Чжунго тунцзи чубаньшэ, 2012. 2403 с.
25. Чжунго миньцзу тунцзи няньцзянь — 2011 = Статистический ежегодник национальностей Китая — 2011. Пекин: Чжунго тунцзи чубаньшэ, 2012. 778 с.
26. Чжунго чуаньтун цуньло — Эргунаши Эньхэ элосы мингьцзусян Эньхэ цунь = Традиционные деревни Китая — деревня Эньхэ Эньхэ-Русской национальной волости г. Аргунь // HHHTNEWS.COM: информационный портал. URL: <http://www.hhhtnews.com/2014/1110/1775872.shtml> (дата обращения: 05.04.2016).
27. Чжунхуа жэньминь гун хэ го ди шиэр цзе цюаньго жэньминь дайбяо дахуй дайбяо миндань = Поимённый перечень депутатов ВСНП 12-го созыва // NPC.GOV.CN: информационный портал. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2013-02/27/content_1759167.htm (дата обращения: 05.04.2016).
28. Чжунхуа жэньминь гун хэ го жэнькоу тунцзи цзыляо хуйбянь. 1949—1985 = Сборник статистических материалов по народонаселению КНР. 1949—1985. Пекин: Чжунго дайчжэн цзинцзи чубаньшэ, 1988. 1008 с.
29. Ши Чуньли. Элосыцзу миньцзу жэньтун яньцзю — и Шивэй элосыцзу миньцзусян вэйли. Боши сюэвэй луньвэнь = Изучение этнической идентичности русских (на примере Шивэй — русской национальной волости) / Чжунъян миньцзу дасюэ = Центральный ун-т национальностей: дис... д-ра наук. Пекин,

2009. 174 с. // doc88.com: информационный портал. URL: <http://www.doc88.com/p-0032079845399.html> (дата обращения: 01.02.2016).
30. Элосыцзу. Синьцзян Тачэнши Эргунчжэнь, Нэймэнгу Ээргунаши Шивэйсян дяоча = Русские. Обследование посёлка Эргун г. Тачэн Синьцзяна и волости Шивэй г. Аргунь Внутренней Монголии. Куньмин: Юньнань дасюэ чубаньшэ, 2004. 517 с.

REFERENCES

1. Argudyaeva Yu.V. *Russkie staroobryadcy v Man'chzhurii* [Russians Old Believers in Manchuria]. Vladivostok, DVO RAN Publ., 2008, 400 p. (In Russ.)
2. Gutin I.Yu. *Istoriya formirovaniya i sociokul'turnogo razvitiya russkoi diasporы v KNR (1962—2009)*. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [The history of the formation and socio-cultural development of the Russian diaspora in China (1962—2009): PhD thesis in Historical Science]. Moscow, 2011, 24 p. (In Russ.)
3. Gutin I.Yu. Russkie v KNR [Russians in PRC]. *Aziya i Afrika segodnya*, Moscow, 2011, no. 10, pp. 50—56. (In Russ.)
4. Kaigorodov A.M. Russkie v Trekhrechyе (po lichnym vospominaniyam) [Russians in Trekhrechyе (private reminiscences)]. *Sovetskaya ethnografia*, 1970, no. 2, pp. 140—149. (In Russ.)
5. *Kitaiskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura, 1995—1996* [Peoples Republic of China: politics, economy, culture, 1995—1996]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1997, 493 p. (In Russ.)
6. Kljaus V.L. “*Russkoe Trekhrechyе*” *Man'churii*. *Oчерki fol'klora i tradicionnoj kul'tury* [“The Russian Trekhrechyе” in Manzhouli: Essays upon folklore and traditional culture]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2015, 384 p. (In Russ.)
7. Kurto O.V. *Russkij mir v Kitae: istoricheskij i kul'turnyj opyt vzaimodejstviya russkikh i kitajcev* [Russian World in China: a historical and cultural experience of interaction between Russian and Chinese]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2013, 375 p. (In Russ.)
8. Lukin A.V. *Vozvishayuschisya Kitay i budushee Rossii* [Rising China and the future of Russia]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2015, 792 p. (In Russ.)
9. Liang Zhe. Pravoslavie “kitajskih russkikh” v Trjohrech'e (KNR): nekotorye itogi issledovanij kitajskih jetnologov [Orthodoxy of Chinese-Russian Metises in Three-Rivers Region (PRC): Research summaries by Chinese ethnologists]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2014, no. 6, pp. 143—148. (In Russ.)
10. *Nacional'nyj vopros v KNR (1949—1994 gg.)*. V 2 ch. [National question in PRC (1949—1994). In two parts]. Moscow, IDV RAN Publ., no. 1—2, 1996, 395 p. (In Russ.)
11. Peshkov I.O. Granitsa na zamke postsovetskoj pamyati. Mifologizatsiya frontirnikh soobshchestv na primere russkikh Trekhrechyа [The boundary is under the lock of the post-Soviet memory. Mythologization of frontier communities based on the Russians from Trekhrechyе]. *Migracii i diasporы v sociokul'turnom, politicheskom i jekonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX—XX i XX—XXI vekov* [Migration and Diasporas in sociocultural, political and economic space of Siberia. 19—20th centuries and 20th — 21st centuries]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2010, pp. 601—616. (In Russ.)
12. Popkov V.D. *Fenomen etnicheskikh diaspor* [The phenomenon of ethnic Diasporas]. Moscow, IS RAN Publ., 2003, 340 p. (In Russ.)
13. “*RG*” *uvidela poslednjuju russkuju shkolu v Kitae* [“RG” saw the last Russian school in China]. Available at: <https://rg.ru/2015/11/22/shkola.html> (accessed 10.05.2016). (In Russ.)
14. Stavrov I.V. Tendencii demograficheskogo razvitiya nehan'skikh nacional'nostej Severo-Vostochnogo Kitaja (nachalo XXI v.) [Main tendencies of demographic development

- of Nekhan nationalities in North East China (the beginning of the 21st century)]. *Vestnik DVO RAN*, 2013, no. 4, pp. 146—151. (In Russ.)
15. Tarasov A.P. Russkaja nacional'naja volost' Jen'hje v Barge: poisk russkimi svoej nacional'noj identichnosti v prigranichnom Kitae [Russian national district Enkhe in Barga: Search for national identity in border China]. *Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae*. T. XLIV. Ch. 2. [Society and state in China. Vol. XLIV, Part 2]. Moscow, IV RAN Publ., 2014, pp. 187—208. (In Russ.)
 16. Tishkov V.A. *Rekviem po etnosu* [Requiem for Ethnos]. Moscow, Nauka Publ., 2003, 544 p. (In Russ.)
 17. Urbansky S. Russkie kazaki v Trekhrechye [Russian Cossacks in Trekhrechye]. *Vostochnaja kollekcija*, 2014, no. 3, pp. 120—133. (In Russ.)
 18. Zhu Yongzheng, Yang Weilin. Russkie v provincii Jilin. Per. s kit. N. Vasilenko [Russians in Jilin Province, transl. from Chinese N. Vasilenko]. *Rossija i ATR*, 1995, no. 2, pp. 62—65. (In Russ.)
 19. *Yazykovaya situacija na Dal'nem Vostoke Rossii i prigranichnoj territorii (na materiale rossijskogo Priamur'ja i provincii Heilongjiang, Kitai)* [The language situation in the Far East of Russia and the border area (based on the Russian Amur Region and Heilongjiang Province, China)]. Blagoveschensk, Izdatel'stvo AmGU Publ., 2014, 156 p. (In Russ.)
 20. *Guowuyuan guanyu jianli minzuxiang wenti de tongzhi* [Notice of the State Council on the formation of national districts]. Available at: <http://cpc.people.com.cn/GB/64184/64186/66699/4495325.html> (accessed 10.05.2016). (In Chin.)
 21. Deng Bo. *Eluosizu* [Russians]. Beijing, Minzu chubanshe Publ., 2004, 113 p. (In Chin.)
 22. *Zhongguo 1982 nian renkou pucha ziliao* [Materials of China's population census 1982]. Beijing, Zhongguo tongji chubanshe Publ., 1985, 674 p. (In Chin.)
 23. *Zhongguo 1990, 2000 nian renkou pucha ziliao* [Materials of China's population census 1990, 2000]. Beijing, Zhongguo tongji chubanshe Publ., 1992, 2002, CD-ROM. (In Chin.)
 24. *Zhongguo 2010 nian renkou pucha ziliao* [Materials of China's population census 2010]. Vol. 1—3. Beijing, Zhongguo tongji chubanshe Publ., 2012, 2403 p. (In Chin.)
 25. *Zhongguo minzu tongji nianjian — 2011* [Statistical annual of nationalities in China 2011]. Beijing, Zhongguo tongji chubanshe Publ., 2012, 778 p. (In Chin.)
 26. *Zhongguo chuantong cunluo — Eergunashi Enhe eluosi minzuxiang Enhecun* [Traditional Chinese villages — Village Enkhe, Enkhe-Russian ethnic district of Argun city]. Available at: <http://www.hhhtnews.com/2014/1110/1775872.shtml> (accessed 05.04.2016). (In Chin.)
 27. *Zhonghua Renmin Gong he Guo di shier jie quanguo renmin daibiao dahui daibiao mingdan* [The list of National People's Congress deputies of the 12th session]. Available at: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2013-02/27/content_1759167.htm (accessed 05.04.2016). (In Chin.)
 28. *Zhonghua Renmin Gong he Guo renkou tongji ziliao huibian. 1949—1985* [Collection of statistical data about China's Population. 1949—1985]. Beijing, Zhongguo caizheng jingji chubanshe Publ., 1988, 1008 p. (In Chin.)
 29. Shi Chunli. *Eluosizu minzu renting yanjiu — yi Shiwei eluosi minzuxiang weilu. Boshi xuewei lunwen* [The study of Russian ethnic identity (a case study of Shiwei-Russian ethnic district): thesis for a Doctor's degree in Sciences]. Beijing, 2009, 174 p. Available at: <http://www.doc88.com/p-0032079845399.html> (accessed 01.02.2016). (In Chin.)
 30. *Eluosizu. Xinjiang Tachengshi Ergungzhen, Neimenggu Eergunashi Shiweixiang diaocha* [Russians. A survey of Ergun village of Tacheng in Xinjiang and Shiwei district of Argun of Inner Mongolia]. Kunming, Yunnan daxue chubanshe Publ., 2004, 517 p. (In Chin.)